

Раффаэлла Вассена

Публичные литературные чтения как проявление культуры эпохи Великих реформ

Raffaella Vassena

Public Literary Readings as a Manifestation of the Culture of the Era of the Great Reforms

Раффаэлла Вассена (Миланский государственный университет, доцент; PhD) raffaella.vassena@unimi.it.

Raffaella Vassena (PhD; Associate Professor at Milan State University, Italy) raffaella.vassena@unimi.it.

Ключевые слова: публичные литературные чтения, эпоха Великих реформ, декламация, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский

Key words: public literary readings, Era of the Great Reforms, declamation, Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky

УДК: 82.91; 7.073

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_59

UDC: 82.91; 7.073

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_59

В статье рассматривается история публичных литературных чтений в России как характерного явления эпохи Великих реформ, их зарождение в начале 1860-х годов и трансформация в 1870—1880-х. Используя различные источники, включая архивные материалы, письма и воспоминания, автор реконструирует аспекты, связанные с организацией чтений, исполнением, критическими дебатами в прессе, составом аудитории и отзывами публики. Вторая часть статьи посвящена анализу репертуаров и декламационных приемов на примере двух выдающихся чтецов, таких как И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский.

This article examines the history of public literary readings in Russia as a characteristic phenomenon of the era of the Great Reforms, from their origins in the early 1860s to their evolution in the 1870s—1880s. Employing different sources, including archival materials, letters, and remembrances, the author reconstructs aspects related to their organization, execution, critical debate in the press, audience composition, and public's reaction. The second part of the article focuses on repertoires and elocutionary techniques, following the example of two eminent readers, Ivan Turgenev and Fyodor Dostoevsky.

Российская и советская критика долгое время пренебрегала изучением публичных литературных чтений, возникших в годы правления Александра II, и была склонна видеть в них пример коммерциализации и унижения литературы [Аронсон, Рейсер 2001: 38]. Западная критика, напротив, посвятила многочисленные исследования схожему явлению, широко распространенному прежде всего в Англии викторианской эпохи (см., например: [Andrews 2004; Collins 1975; Ferguson 2001]).

Для нас важно, что публичные литературные чтения являются одним из наиболее характерных проявлений литературного быта эпохи Великих реформ. С началом реформ рождается «публичное», «зрелищное» измерение литературной жизни. Уже не ограничиваясь пределами частных салонов и литературных кругов, литературная жизнь стала заметна и в коллективном, общедоступном пространстве. Городской житель стал наблюдателем явлений, ранее недоступных его взгляду, и сам город превратился в сцену, на которой выступала литература, осознавшая, что находится у всех

на виду¹. Как отметил Стивен Ловелл, заимствуя известное выражение Джеффри Брукса, в шестидесятые годы XIX века Россия «научилась говорить» [Lovell 2020].

Запуск Великих реформ породил настойчивую потребность в самовыражении, которая привела к формированию новых политических, юридических и культурных институтов. По мере распространения публичных диспутов, публичных лекций, литературных вечеров и любительских спектаклей утвердились новые формы устной коммуникации и возросла оценка потенциала устного, «живого» слова не только в политическом, но и в художественном измерении. В настоящей статье предлагается рассмотреть публичные литературные чтения с двойной точки зрения. С одной стороны, будет прослежена история зарождения публичных чтений в начале 1860-х годов. С другой стороны, будут рассмотрены вопросы, связанные с художественной практикой публичного чтения, на примере выступлений И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского в конце 1870-х годов. Профессиональные выступления Тургенева и Достоевского рассматриваются как серьезная попытка найти баланс между тем, что традиционно считалось относительно частным домашним событием (чтение литературного произведения в узком кругу коллег и любителей) и публичным выступлением перед широкой аудиторией. Имея разные темпераменты, идеологии, техники чтения и репертуар, Тургенев и Достоевский дают нам повод для размышления не только о новом социальном порядке постреформенной России, но и о новых требованиях, которые этот порядок ставил в творческом и художественном плане.

Литературный фонд и публичные литературные чтения начала 1860-х годов

Главным организатором платных публичных литературных чтений стал Литературный фонд, или Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым [Сажин 2008]. На заседании Комитета Литфонда 18 ноября 1859 года П.В. Анненков сообщил о предложении А.Ф. Писемского, А.Н. Островского и И.С. Тургенева «читать публично свои произведения для сбора в пользу Общества». Комитет приветствовал предложение и немедленно запланировал привлечь к этому предприятию и других писателей². В протоколах заседаний не указаны ни мотивы предложения, выдвинутого Тургеневым, Островским и Писемским, ни причины, по которым именно на Тургенева на заседании 30 ноября 1859 года Комитет возложил задачу организовать первое публичное чтение³. Вероятно, их следует искать в связях Тургенева с английской литера-

-
- 1 Понятие «города-зрелища», или «города-театра», встречается как у Ю.М. Лотмана, так и у других теоретиков городского пространства. См., например, идею В. Беньямина о городе как о ряде топосов (Schauplätze), которые становятся сценами, аренами, где разворачиваются события, образуя прерывистый нарратив его жизни (см.: [Беньямин 2005: 166–167]).
 - 2 Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 438 (Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — Литфонд). Ед. хр. 1 (Журналы заседаний Комитета Общества 8 ноября 1859 г. — 6 января 1864 г.). Л. 7 об.
 - 3 Там же. Л. 9 об.

турной средой, в частности с Чарльзом Диккенсом. Весной 1858 года Диккенс, принимавший участие в многочисленных благотворительных мероприятиях с 1853 года, решил сделать публичные чтения своих произведений источником личного дохода [Collins 1975]. Эхо новостей о публичных чтениях Диккенса дошло до России летом того же года. В шестом выпуске «Отечественных записок» за 1858 год был опубликован отчет о первом из этих чтений, состоявшемся 29 апреля (по русскому старому календарю 17 апреля) в Зале святого Мартина (St. Martin's Hall) в Лондоне. Особое внимание было уделено вступительной речи Диккенса, в которой он объяснял причины, побудившие его взяться за эту новую деятельность:

Во-первых (сказал Диккенс), я убедился сам, что это дело нисколько не может подорвать кредит и независимость литературы. Во-вторых, я давно держался того мнения и давно действовал на основании этого мнения, что в настоящее время все, что только поставляет общественного человека лицом к лицу с публикой на условиях взаимной доверенности и уважения, есть доброе дело⁴.

Аргументы Диккенса затронули два аспекта публичных чтений, один из которых был следствием другого. По словам английского писателя, публичные чтения не представляли угрозы для авторитета литературной профессии, потому что, напротив, они гарантировали одно из важнейших ее требований — закрепить образ писателя как общественного деятеля, который устанавливает прямой и искренний контакт со своей аудиторией. Слова Диккенса навели сотрудника «Отечественных записок» на некоторые размышления. Отметив, что многие русские проводят свободное время в праздности или в неподобающих развлечениях, таких как карточные игры или сплетни, журналист предложил и в России устраивать публичные чтения, дабы исправить ситуацию:

Современные писатели, разумеется, сделали бы очень хорошо, если бы стали читать свои произведения публике сами. Сам автор в состоянии передать гораздо лучше, полнее свое произведение; сверх того, живое слово, выслушиваемое из уст самого автора, гораздо сильнее действует на слушателя, нежели слово печатное, и притом это послужило бы ему средством к полезному сближению его с обществом. У нас так еще мало развита общественность, то есть жизнь общими интересами, занимающими не одно какое-нибудь сословие или известный кружок, а интересами всего общества, что такого рода сближение было бы крайне полезно⁵.

Разумеется, сотрудник «Отечественных записок» видел вопрос под иным углом, нежели Диккенс: если для английского писателя публичные чтения представляли собой возможность для профессионального роста писателя и осознания его общественной роли, то для русского журналиста публичные чтения служили средством развития разрозненного общества, нуждающегося в объединении вокруг общих интересов.

Всего через несколько недель после публикации статьи в «Отечественных записках» А.В. Дружинин попытался привлечь Тургенева к созданию русского Литературного фонда, к которому он стремился уже с 1856 года [Сажин 2008: 214—217]. Дружинина интересовали подробности об английском Королевском

4 Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 6. С. 170.

5 Там же. С. 171.

литературном фонде (Royal Literary Fund)⁶, на официальном обеде которого Тургенев побывал 23 апреля 1858 года [Летопись жизни... 1934: 99]. По просьбе Дружинина Тургенев написал для «Библиотеки для чтения» подробный отчет под названием «Обед в Обществе английского Литературного фонда». В статье Тургенев также сообщал практические сведения о методах, которые использовались английским обществом для сбора средств. В частности, речь шла о Диккенсе, который, как писал Тургенев, хотя и отсутствовал на обеде из-за разногласий с Комитетом, был главным героем серии «публичных театральных представлений»⁷ в пользу фонда. Несмотря на то что дата первой встречи Тургенева с Диккенсом не установлена (некоторые источники относят ее к 1858-му, другие — к 1859-му, а третьи — к 1863 году; см.: [Колбасин 1983; Waddington 1974]), более чем вероятно, что Тургенев знал о платных публичных чтениях Диккенса, учитывая также, что обед в Литературном фонде состоялся менее чем через неделю после первого выступления Диккенса в Зале святого Мартина. Поэтому можно предположить, что, подобно тому, как прообразом русского Литературного фонда стал английский, идея публичных чтений была вдохновлена аналогичной практикой, уже широко распространенной в Англии.

Однако необходимо отметить существенные отличия русских публичных чтений от английского образца. Прежде всего, они ставили себе целью не продвигать творчество одного писателя, а способствовать непосредственному контакту между литературным миром и обществом. Как сказал Тургенев, поблагодарив зрителей первого публичного чтения 10 января 1860 года, аплодисменты и овации публики были восприняты как дань уважения не отдельному писателю, а литературе в целом⁸. Это обуславливалось и тем, что публичные литературные чтения в России сохраняли свой характер благотворительных мероприятий, по крайней мере до конца XIX века: нет источников, которые бы свидетельствовали, что литераторы получали гонорар за свои выступления, как могло произойти в случае с профессиональными актерами. Тем не менее факт остается фактом: подобно тому, как публичные чтения узаконили статус Диккенса как публичной знаменитости, русские публичные чтения способствовали укреплению статуса писателя и постепенному распространению литературных произведений на издательском рынке.

Протоколы заседаний Комитета Литфонда декабря 1859-го и начала января 1860 года свидетельствуют о лихорадочных приготовлениях первого публичного литературного чтения. На заседании 17 декабря 1859 года была сформирована комиссия по подготовке чтения, в которую вошли Тургенев, К.Д. Кавелин и А.А. Краевский⁹. На заседании 1 января 1860 года комиссия доложила

6 Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847—1861 / Вступ. ст. Н.В. Измайлова; оформл. П.А. Шиллингового. Л.: Academia, 1930. С. 213—214.

7 Тургенев Ив. Обед в Обществе английского Литературного фонда // Библиотека для чтения. 1859. № 1. Отд. II. С. 81—86.

8 По свидетельству современников, Тургенев так обратился к публике по этому поводу: «Господа, я не ожидал такого приема и отношу его не лично к себе, а к нашему сочувствию к литературе, и потому позвольте мне благодарить вас и от ее имени» (Современная хроника России // Отечественные записки. 1860. Т. 128. № 1. Январь. С. 39—40). См. также: *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки. М.: Academia, 1934. С. 246.

9 РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 15.

о ходе подготовки и представила окончательную программу первого публичного чтения. Комитетом было определено

назначить чтение 10 января (в воскресенье) в 7:30 часов вечера в зале «Пассажа», о чем опубликовать в «Санкт-Петербургских ведомостях»; программу чтения напечатать в числе 600 экземпляров для раздачи при билетах; цены местам назначить следующие: ложа — 10 рублей; кресла 1 ряда — 5 р., 2 ряда — 3 р., 3 ряда — 3 р.; стулья по 1 ½ р. и места в галерее по 1 рублю¹⁰.

Выбор «Пассажа» был характерным для духа новой эпохи. Торговый дом «Пассаж», открытый 9 мая 1848 года, располагал просторным концертным залом на третьем этаже. Зал «Пассажа» превратился в одно из важнейших мест культурной жизни Петербурга эпохи Великих реформ: П.Д. Боборькин писал о нем почти как о самостоятельной инстанции, оживляющей общественный быт Петербурга¹¹, а юрист А.Ф. Кони назвал его символом созревания русского общества для «публичности»¹². Тем не менее скоро выяснилось, что зал «Пассажа» не смог вместить толпы горожан, желавших присутствовать на публичных чтениях:

Вся зала «Пассажа» до последнего места на хорах была занята, и билеты все были разобраны в первый же день, как только появилось объявление. Зала «Пассажа» оказалась чересчур малой для удовлетворения всех желавших быть на чтении, и если бы она вмещала в себе в десять раз больше публики, без преувеличения можно сказать, что ни одного места не осталось бы пустого¹³.

Растущая популярность публичных чтений вынудила организаторов искать более подходящее помещение. Они остановили свой выбор на концертных залах, точнее, на залах дворцов и особняков, предоставлявшихся петербургскими меценатами для все более востребованных публикой музыкальных концертов¹⁴. Публичные чтения начали проводиться во дворце Д.Е. Бенардаки (Невский пр., 86), в доме М.Ф. Руадзе (впоследствии зал Кононова, на углу ул. Большой Морской и пер. Кирпичного) и в зале Дворянского собрания (ул. Михайловская, 2 — ул. Итальянская, 9), а также в помещениях учебных заведений, в пользу которых время от времени устраивались чтения. С конца шестидесятых годов публичные чтения также проводились в помещениях частных и государственных учреждений, например в зале Кредитного общества (ныне пл. Островского, 7), в зале городской думы (Невский пр., 33/1) или в клубных учреждениях, например в зале Благородного собрания (Литейный пр., 39). Несмотря на то что эти залы могли вместить до тысячи зрителей (против пятисот с небольшим в «Пассаже»), именно из-за их размеров часто возникали серьезные проблемы со слышимостью, иногда усугублявшиеся не самой подходящей планировкой. Не привыкшие к столь большому пространству и не обладающие специальной подготовкой, тещы-литераторы по большей

10 Там же. Л. 19 об.

11 Боборькин П.Д. Воспоминания. За полвека: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965. С. 224.

12 Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. СПб.: Атеней, 1922. С. 55—56.

13 Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1860. № 2. С. 376.

14 Столянский П.Н. Старый Петербург. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л.: Мысль, 1926. С. 20—21.

части не владели голосом настолько, чтобы компенсировать неудачную акустику залов¹⁵. Хотя дошедшие до нас источники не проясняют, пытались ли организаторы решить проблему акустики и как именно (Диккенс, например, решал ее разными способами: то прося затянуть потолок и стены тканью и коврами, то заказывая специальный темный экран, который устанавливался у него за спиной [Andrews 2004]), благодаря этим свидетельствам можно узнать о том, как звучали голоса первых писателей-чтецов.

В целом следует учитывать, что участники первых публичных чтений были хорошо знакомы с практикой чтения вслух, широко распространенной в салонах и литературных кружках первой половины века. Этот опыт оказался полезным прежде всего с точки зрения мотивации: литераторы знали, как важно живую передавать тончайшие оттенки художественного текста¹⁶. Столь ответственная задача требовала соответствующей подготовки, поэтому публичным чтениям Литературного фонда предшествовала изнурительная череда репетиций¹⁷. Со временем каждый литератор выработал собственную манеру чтения: тон голоса, жесты, манера держаться от выхода на сцену до финального поклона в ответ на аплодисменты зала — у каждого был особый стиль. О Тургеневе современники пишут, что голос у него был негромкий, но тем не менее ему удавалось передать особенности отдельных персонажей разнообразными оттенками интонации. Он читал мастерски, без декламаторских приемов, задушевно. У него была и характерная жестикуляция, хотя и менее экспрессивная, чем у других¹⁸. Островский, не обладавший большим даром чтеца, тем не менее мастерски справлялся с ролями определенных своих персонажей. Он любил читать очень медленно, словно наслаждаясь оттенками звучания собственного баритона [Максимов 1966: 111]. Гончаров читал «как опытный докладчик, обдуманно, выразительно, но без внутреннего увлечения»¹⁹. У Достоевского голос был проникновенный, иногда даже мощный, что контрастировало с его некрепким телосложением²⁰. У него была манера «в сильных местах повышать голос до настоящего крика»²¹. У Некрасова голос был тихий, «замогильный»²², настолько характерный, что вскоре распрост-

15 Современная хроника России. С. 39.

16 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого / Ред. и коммент. С.А. Рейсера. М.: Асадемия, 1934. С. 134.

17 [*Дружинин А.В.*] По поводу последнего собрания членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым // Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. № 2. С. 16—17.

18 См.: *Васильев П.П.* Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань: Тип. Губернского правления, 1880. С. 14; *Павлова С.В.* Из воспоминаний. С. 116—117; *Садовников Д.Н.* Встречи с И.С. Тургеневым. «Пятницы» у поэта Я.П. Полонского в 1879 году // Русское прошлое. Исторический сборник / Под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Ю. Гессена. 1923. № 1. С. 76. См. также: [Щербань 1983: 37].

19 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. С. 155.

20 *Садовников Д.Н.* Встречи с И.С. Тургеневым. «Пятницы» у поэта Я.П. Полонского в 1879 году. С. 75.

21 *Венгеров С.А.* «Стать настоящим русским значит стать братом всех людей», из речи «Пушкин и Достоевский», сказанной на вечере, посвященном Достоевскому, 25 апреля 1914 в зале петербургской городской думы // Венгеров С.А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. СПб.: Прометей, 1919.

22 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. С. 155.

ранилась мода на чтение а-ля Некрасов. Писемского считали мастером передавать интонации различных персонажей²³, а Полонский порой склонялся к излишней торжественности²⁴.

Первое публичное чтение 10 января 1860 года должно было открывать выступление Тургенева. Однако в последний момент решено было пустить первым Я.П. Полонского²⁵. Он вышел на сцену, пока зрители еще занимали места, и прочел стихотворения «Наяды» (1859) и «Иная зима» (1859). Вслед за Полонским выступил Тургенев, который прочел свою еще не опубликованную статью «Гамлет и Дон Кихот». Третьим стал А.Н. Майков с поэмой «Приговор» (1860), затем — В.Г. Бенедиктов со стихотворениями «И ныне» и «Борьба» (1860). Н.А. Некрасов прочел «Блажен незлобивый поэт...» (1852) и «Еду ли ночью по улице темной...» (1847), после чего выступил Б.М. Маркевич с отрывками из «Ричарда III» в переводе А.В. Дружинина²⁶. Важно отметить, что, за исключением двух стихотворений Некрасова²⁷, включенные в программу произведения еще не были нигде опубликованы или только что вышли в печати²⁸. Тем не менее частота публичных чтений скоро сделала практически невозможным обеспечение новизны текстов. Ведь выбор был ограниченным: как предлагал фельетонист «Современника» Новый поэт (псевдоним И.И. Панаева), в программы желательно было включить короткие рассказы, чтение которых не превышало получаса, а еще лучше — поэтические произведения, способные произвести большее впечатление на публику²⁹. Присутствие в Комитете Литфонда ряда членов редакций главных толстых журналов показывает, пожалуй, что между

-
- 23 Там же. С. 154—155; *Вейнберг П.И.* Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ежегодник императорских театров, сезон 1893—1894. Приложение кн. 3 / Под ред. А.Е. Молчанова. СПб.: Тип. С.-Петербургских императорских театров, 1895. С. 99. См. также: Летопись общественной жизни // Русский мир. 1860. 27 февраля. № 16. С. 62.
- 24 *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. С. 159; *Венгеров С.А.* «Стать настоящим русским значит стать братом всех людей», из речи «Пушкин и Достоевский», сказанной на вечере, посвященном Достоевскому, 25 апреля 1914 в зале петербургской городской думы. С. 29.
- 25 *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки. С. 245.
- 26 Заметки петербуржца // Русский мир. 1860. № 4. 13 января. С. 14.
- 27 По первоначальной программе, Некрасов должен был прочитать стихотворение «Филантроп» (1856). Однако после письма графа В. Ф. Одоевского, в котором он выразил опасения, что кто-то может увидеть в стихотворении намек на него, Некрасов решил прочитать стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» и «Еду ли ночью по улице темной...». Письмо Некрасова Одоевскому от 10 января 1860 года показывает опасности, которые таились за этим беспрецедентным «физическим» контактом между литературой и обществом: «Князь, никогда ни к кому не чувствовал я столько благодарности, как в настоящую минуту к Вам за Ваше прямое обращение ко мне. Хорошо, что не поздно! Как бы я бесился и сожалел завтра, если б прочел сегодня “Филантропа” и подал нашей публике, которая ужасно склонна всюду видеть личности, повод к разным глупым толчкам» [Некрасов 1999: 131—132]. См. также: «Текущая хроника и особые происшествия»: дневник В. Ф. Одоевского (1859—1969 гг.) // Литературное наследство. Кн. 22—24 / Ред. М. Брискман; вступ. ст. Б. Козьмина; коммент. М. Брискмана, М. Аронсона. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. С. 79—308.
- 28 Статья Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» и стихотворения Бенедиктова «И ныне» и «Борьба» вышли в первом выпуске «Современника» за 1860 год. Перевод «Ричарда III» вышел во втором выпуске «Современника» за 1860 год. Стихотворения Полонского и Майкова были опубликованы в первом выпуске журнала «Русское слово» за 1860 год.
- 29 Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // Современник. 1860. № 3. С. 209.

журналистикой и публичными чтениями была установлена тесная связь, и помимо выполнения благотворительных целей чтения удовлетворяли и коммерческие интересы. Публичные чтения, с одной стороны, позволяли наслаждаться литературными произведениями в авторском исполнении представителям тех социальных слоев, которые не могли позволить себе подписку на толстые журналы, а с другой стороны, служили платформой для продвижения литературных новинок. Это оказалось возможно еще и потому, что по крайней мере в начале присутствие в составе Комитета представителей цензурного ведомства, например А.В. Никитенко, гарантировало достаточно терпимое отношение властей к публичным чтениям: царь и его супруга стали одними из главных жертвователей Литературного фонда, а члены императорской фамилии порой посещали организованные им литературные вечера³⁰.

Свидетели первого публичного литературного чтения 10 января 1860 года вспоминали, что волнение участников, возгласы зрителей и оглушительные аплодисменты, не раз прерывавшие чтение, когда звучали такие слова, как «свобода», стали выражением атмосферы начала «знаменитых шестидесятых годов»³¹. Особенностью этой атмосферы была невероятная вовлеченность публики, восторг которой был сродни ярости, как писал Тургенев своей дочери Полине 11 (23) января 1860 года: «Твоему отцу усиленно аплодировали, отчего он морщился и лепетал благодарности. Это приятно, но жестоко»³². Растерянность, сквозящая в словах Тургенева, указывает, в каком направлении публичные чтения развивались в следующие месяцы. Если литераторы видели в них уникальную возможность исследовать предпочтения и настроение публики, то русская публика шестидесятых годов стремилась найти в читаемых произведениях разрешение самых острых социальных проблем и ответ на свои экзистенциальные вопросы: она полностью вживалась в прочитанное и видела в авторе пророка нового мира [Рейтблат 2009: 27—32]. Этот процесс самоотжествления рождал в слушателях сильнейший эмоциональный отклик, эффект которого хорошо описан в дневнике неустановленного преподавателя Морского кадетского корпуса, присутствовавшего на чтении 10 января:

Народу тьма. В 8 часов началось. Вышел Полонский. Читал декламаторски «Наяды», «Зима». Шумно аплодировали. Я не поленил себя. Так сладко мне было... Вышел Некрасов, смуглый, худой, задумчивый, будто убитый жизнью. Болезненным и тихим голосом он читал «Блажен незлобивый поэт» и «О деве покинутой». Так рвал мою душу на части, что я и подверженный пытке не так бы страдал (цит. по: [Сажин 1989: 8—9]).

Что касается состава зрителей, присутствовавших на чтениях, точно установить его непросто. Источники того времени описывают его как однородную и единую массу, более увлеченную зрелищной формой, нежели художественной

30 Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: Государственное издание художественной литературы, 1955. С. 118.

31 Вейнберг П.И. Литературные спектакли (Из моих воспоминаний). С. 96—97. См. также: Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. С. 246; Пантелеев Л.Ф. Из истории первых лет существования Литературного фонда // Юбилейный сборник Литературного фонда 1859—1909. СПб.: Общественная польза, 1909. С. 86.

32 «Ton père a été applaudi avec rage, ce qui lui a fait prendre une figure d'oie — et balbutier je ne sais quel remerciement. C'est agréable — mai c'est violent» [Тургенев 1978—2018 IV: 139].

сутью и благотворительной идеей культурных событий³³. В свидетельствах современников непременно подчеркивалась грубая непосредственность публики, требовавшей чтения одних и тех же произведений, которым она по собственной прихоти приписывала не свойственный им смысл³⁴. Некоторую информацию о составе зала можно почерпнуть из отдельных источников, таких как выше процитированный дневник, а также из данных о выручке за вечер 10 января 1860 года. По подсчетам Краевского, она составила 1076 рублей, которые были получены за места следующей стоимости: 16 билетов в ложах (стоимость одного билета: 10 рублей), 18 в первом ряду (по 5 рублей), 23 во втором ряду (3 рубля), 28 в третьем ряду (2 рубля), 270 стульев (1,5 рубля), 174 места в галерее (1 рубль)³⁵. Как можно заключить, из 529 зрителей более 80% выбрали дешевые билеты, на стульях или в галерее: это позволяет предположить, что большая часть присутствовавших на этом вечере состояла из представителей среднего сословия, которые, вероятно, не могли себе позволить кресел в императорских театрах или подписки на журналы, но тем не менее жаждали живых встреч с представителями литературного мира.

Невероятный успех первого публичного чтения сделал организацию подобных мероприятий одним из главных направлений деятельности Литературного фонда. За один только февраль 1860 года в концертном зале «Пассажа» прошли еще три вечера (6, 23 и 27 февраля), которые были приветствованы печатью как доказательство состоявшегося единения литературы и общества:

Нет, не скука и не мода собрала эту численную публику; нет, не мишурными блестками ослепил этот вечер нас и всех, кому дорого родное слово, для кого служение литературе также важно, как служение обществу. Литература и общество! <...> Вот где чуть ли не впервые столкнулись они лицом к лицу, и как торжественно было это столкновение и как глубоко торжество!³⁶

Публичные литературные чтения распространились как в Москве, так и в провинции, где проводились по инициативе библиотек, студенческих кружков, воскресных школ и частных лиц, которые затем переводили выручку в пользу Литературного фонда³⁷. Вскоре публичные литературные чтения стали постоянным элементом городской хроники в журналах и газетах. Благодаря удачному сочетанию культурно-образовательного и зрелищного форматов публика все чаще воспринимала эти выступления как театральные спектакли:

С переходом на эстрады общественных и клубных зал чтения в глазах публики получили сначала тот существенный интерес, что можно было видеть вживе и въяве доселе незримых виновников наслаждений эстетических и художественных, взглядеться в их облик, из уст самих услышать их произведения, а по пути и кстати общепринятыми знаками доказать им свою признательность и за доставленные удовольствия, и за поучения. Чтения во фраках сделались нового вида театральными увеселениями [Максимов 1966: 114].

33 Никитенко А.В. Дневник. С. 113.

34 Шелгунов Н.В. Воспоминания Н.В. Шелгунова // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. С. 135; Штакенишнейдер Е.А. Дневник и записки. С. 246–247.

35 РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 9. Л. 10–13.

36 Летопись общественной жизни // Русский мир. 1860. № 13. 17 февраля. С. 49.

37 РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 33 об., 36, 36 об., 40 об. См. также: [Сажин 2008: 224].

Сближению публичных литературных чтений с формами театрального искусства способствовало и сознательное намерение Комитета Литфонда, который в декабре 1860 года воспользовался временным закрытием императорских театров (в связи с трауром по матери Александра II), чтобы привлечь внимание к публичным чтениям (см.: [Неизданные письма 1932: 60; Островский 1979: 131]), и начал приглашать к участию профессиональных актеров, таких как И.В. Самарин и М.С. Щепкин. Еще раньше, на заседании Комитета 17 февраля 1860 года, Писемский и П.И. Вейнберг предложили организовать платные «литературные спектакли» с литераторами в роли актеров³⁸. Члены Литературного фонда называют их и «спектаклями», и «чтениями» [Тургенев 1978—2018 IV: 177], что позволяет заключить, что, с их точки зрения, между первыми публичными чтениями и этим новым видом представлений существовала преемственность: источником как одних, так и других служила наэлектризованная атмосфера эпохи Великих реформ, а также характерный для первого этапа деятельности Литературного фонда энтузиазм и стремление к обновлению.

Для первого спектакля, назначенного на 14 апреля 1860 года в зале дома Руадзе (наб. Мойки, 61), выбрали «Ревизора» Н.В. Гоголя. Сцену соорудили специально для первого литературного спектакля Литературного фонда, и лишь в восьмидесятые годы XIX века в этом же зале, получившем название Кононовского, начали выступать различные театры [Петровская, Сомина 1994: 214]. Труппа получилась пестрой: Писемский в роли Городничего, Вейнберг — Хлестаков, Достоевский — почтмейстер, А.Ф. Кони (заменивший Островского, который не смог приехать в Петербург³⁹, — купец Абдулин; Майков, Дружинин, Краевский, Тургенев и И.А. Гончаров — остальные кушцы⁴⁰; наконец, актеры и студенты в оставшихся ролях. Спектакль широко освещался в прессе. Сотрудник «Современника» заявил, что спектакль, и особенно игра Вейнберга-Хлестакова в третьем действии, был лучше известных ему постановок Александринского театра⁴¹, а сатирический журнал «Искра» вышел с карикатурой на актеров-литераторов на обложке и с подписью «Счастливые кушцы! — Мало того, что товары их продаются на вес золота, но еще платят деньги, чтобы только на них посмотреть»⁴².

Однако вскоре культурное и литературное значение публичных чтений отошло на второй план. Поскольку они считались надежным источником дохода, в течение нескольких месяцев число их стало непомерно увеличиваться, что вызвало большую озабоченность у тех, кто способствовал их появлению. Уже в июне 1860 года чрезмерное количество публичных чтений и спектаклей, организованных посторонними в пользу Литературного фонда, побудило Комитет обратиться к попечителю учебного округа, с тем чтобы разрешения на их проведение выдавались только с одобрения самого Комитета⁴³. Полемика

38 РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 41 об.

39 Вейнберг П.И. Литературные спектакли (Из моих воспоминаний). С. 106.

40 Имя Гончарова не фигурирует в афише, но о его присутствии свидетельствует карикатура на спектакль (Искра. 1860. 13 мая. № 17) и воспоминания Е.Ф. Юнге (Юнге Е.Ф. Воспоминания. 1842—1860. М.: Сфинкс, 1914. С. 241).

41 Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // Современник. 1860. № 4. С. 445. См. также: Моллер Е.Ф. Общественная жизнь в Петербурге // Русское слово. 1860. № 5. С. 145—146.

42 Степанов Н. Ревизор в спектакле любителей // Искра. 1860. № 17. С. 177.

43 РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 9. Л. 50.

велась на разных уровнях. Одни выражали недовольство при одной мысли о том, что за горсть рублей литераторы готовы выступать перед непостоянной и легкомысленной публикой, и с ностальгией вспоминали вечера в литературных салонах и кружках⁴⁴. Также критиковались самозванцы, которые выступали на публичных чтениях ради того, чтобы пережить момент славы. То же самое касалось и тех пожилых писателей, «написавших когда-то элегию в “Библиотеке для чтения Сенковского” или рассказец в “Маяке”», которые завидовали таланту молодых и являлись на этих мероприятиях, только чтобы показать, что по-прежнему принадлежат к литературному кругу⁴⁵.

Еще один повод для разногласий получил освещение в полемической статье, опубликованной во втором выпуске «Библиотеки для чтения» за 1864 год, где было замечено, что в предыдущем году публичные чтения не пользовались успехом⁴⁶. По мнению автора статьи, такое снижение популярности произошло из-за политической и идеологической эксплуатации публичных чтений в предыдущие годы. Взаимопроникновение между литературой и журналистикой зашло слишком далеко, и публика, уставшая от прогрессивных лозунгов и утомительных митингов, снова жаждала литературы. На тезис журналиста о массовом бойкоте публичных чтений отчасти повлияло реакционное направление такого журнала, как «Библиотека для чтения». Причину сокращения количества публичных чтений следует искать не столько во внезапном упадке интереса со стороны публики, сколько в постоянной социальной напряженности начала шестидесятых годов. Императорским указом от 10 июня 1862 года полномочия по выдаче разрешений на публичные лекции перешли от Министерства народного просвещения к Министерству внутренних дел и директору Третьего отделения⁴⁷. Некоторое время спустя были приняты новые правила также для публичных литературных чтений (см.: [Аронсон, Рейсер 2001: 278]). После 1862 года количество публичных чтений стало сокращаться, о чем свидетельствуют также отчеты Литературного фонда⁴⁸.

44 [Минаев Д.Д.] Дневник темного человека // Русское слово. 1863. № 3. С. 19.

45 [Минаев Д.Д.] Дневник темного человека // Русское слово. 1862. № 3. С. 11. См. также: Литературная летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 15 апреля. № 80.

46 П.Б. Литературное чтение 18 февраля // Библиотека для чтения. 1864. № 2. С. 67.

47 Современная хроника России. С. 56.

48 Архивные материалы свидетельствуют о выручке от каждого литературного вечера, организованного Литературным фондом. Например, вечера 18 февраля и 10 марта 1864 г. в Санкт-Петербурге принесли 427 руб. 244 руб., а вечер 18 марта 1866 г. — 325 руб. (РО РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 13. Приложения к журналам заседаний Комитета и собраний Общества за 1864 г. Л. 41, 74—75; Ед. хр. 15. Приложения к журналам заседаний Комитета и собраний Общества за 1866 г. Л. 48). Счета Литературного фонда начали появляться в 1868 году: за 1867 год доход от пяти литературных вечеров составил 1542 рубля 40 копеек (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Отчет за 1867 г. СПб., 1869. С. 30). В следующем году доход от литературных вечеров составил 817 рублей (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Отчет за 1868 г. СПб., 1869. С. 31). В 1869 г. выручка составила всего 88 руб. (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Отчет за 1869 г. СПб., 1870. С. 20).

Публичные чтения семидесятых годов: два выдающихся чтеца

Публичные чтения снова вошли в моду в середине семидесятых годов. Возобновившейся популярности чтений, вероятно, способствовали два фактора: слава выступавших на них писателей и все более активное участие студенческого поколения, жаждущего услышать «новое слово» от своих литературных кумиров. Публичные чтения конца 1870-х годов отчасти имели иные характеристики, чем в предыдущий период. Во-первых, увеличилось количество организаторов. Помимо Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым добавились и другие благотворительные ассоциации: Санкт-Петербургский дом милосердия, Фребелевское общество, Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Ларинской гимназии, Славянское благотворительное общество и т. д. Публичные чтения проходили в тех же городских залах, что и в 1860-е годы, но нередко они проводились также и в зданиях учреждений-организаторов. Для этого были приспособлены, например, зал Петербургского университета или помещения Педагогического музея военно-учебных заведений в Соляном городке. Сам факт того, что главным организатором больше не был Литературный фонд, привел к новой расстановке участвующих социальных сил: освободившись от роли организаторов, писатели теперь получали приглашения от учреждений, не бывших частью литературного мира. Уже не литература обращалась к обществу, чтобы выжить, — само общество нуждалось в литературе, чтобы выжить. Студенческие коллективы лично доставляли приглашения писателям, которые, оказавшись на сцене, внимали приветствиям множества юных восторженных поклонников. В этой воодушевляющей атмосфере выдвинулись вперед такие выдающиеся чтецы, как Тургенев и Достоевский.

Как уже было отмечено, популярность Тургенева сделала его одним из главных героев публичных чтений начала 1860-х годов. Комитет Литфонда снова сделал ставку на его талант в 1867 и 1871 годах, когда экономическое положение Общества вынудило обратиться к нему с просьбой выступить на публичных чтениях, чтобы поправить финансы Литфонда [Тургенев 1978—2018 VII: 375; XI: 154]⁴⁹. Такая же просьба о помощи из Литфонда поступила к Тургеневу в феврале 1879 года, когда распространилось известие о его скором приезде на родину [Тургенев 1978—2018 XVI, II: 378] (см. также об этом: [Генералова 2018]). Среди множества мероприятий, организованных в его честь, важную роль играли публичные чтения. 4 марта 1879 года в Москве в зале Благородного собрания он прочитал рассказ «Бурмистр» на литературно-музыкальном вечере для студентов Московского университета [Тургенев 1978—2018 XVI, II: 67]. Овации и восторг молодой аудитории очень впечатлили Тургенева, который в письме Полине Виардо от 5 марта дал чрезвычайно ясный анализ истинных причин подобного приёма:

Я полностью понимаю причину всего этого; накануне реформ, всегда обещаемых и всегда откладываемых, в самом начале вхождения в политическую жизнь вся

49 Здесь и далее ссылки на многотомные издания приводятся с указанием тома, части (в случае многосоставных томов) и страницы.

эта молодежь словно заряжена электричеством, как лейденская банка; и я выступаю как машина для разряда. Мои либеральные взгляды тому причиной не меньше, чем мои литературные заслуги⁵⁰.

То же самое повторилось и во время следующих выступлений Тургенева, приехавшего из Москвы в Петербург 8 марта 1879 года. Вечером 9 марта 1879 года в зале Благородного собрания в Петербурге он прочел рассказ «Бурмистр», снова вызвав энтузиазм аудитории и недовольство своих литературных оппонентов. Все билеты на вечер были распроданы, что не стало неожиданностью, учитывая программу: помимо Тургенева были запланированы выступления Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.А. Потехина, Плещеева и Полонского.

Однако некоторые современники сообщают о замешательстве Тургенева, вызванном аплодисментами, и о смятении, охватившем его на этих публичных выступлениях⁵¹. Сам он не преминул это признать:

Чтения, оциации и т.д. продолжаются и здесь, как в Москве; но, между нами, как я им не рад, а вздохну свободно, когда они кончатся, и я снова попаду в свое тихое гнездышко [Тургенев 1978—2018 XVI, II: 84].

Смушение, которое Тургенев испытывал на сцене, отчасти объясняется его застенчивым характером⁵². Однако не исключено, что определенную роль сыграло и осознание того, что большими актерскими способностями он не обладает. На самом деле Тургенев испытывал настоящее отвращение к театральным ролям: в постановке гоголевского «Ревизора» 14 апреля 1860 года он согласился на роль одного из купцов только после настойчивых просьб Вейнберга, в то время как несколькими днями позже он категорически отказался от роли графа в представлении своей «Провинциалки»⁵³. Эту же роль Тургенев исполнил не без труда много лет спустя, 16 марта 1879 года, когда он оказался на одной сцене с артисткой М.Г. Савиной⁵⁴. В чем же тогда заключался талант Тургенева как чтеца? Согласно современникам, его спокойная и любезная манера, элегантная внешность, слегка мечтательное выражение лица и тонкий, почти женский голос больше подходили для чтения повествовательных тек-

50 «Je comprends parfaitement la cause de tout ceci; à la veille de réformes toujours promises et toujours ajournées, à la veille de naître à la vie politique, toute cette jeunesse est chargée d'électricité comme une bouteille de Leyde; et je suis là comme la machine qui sert à la décharge. Mes opinions libérales me valent tout ceci, au moins autant que mon mérite littéraire» [Тургенев 1978—2018 XVI, II: 68].

51 См.: *Леткова Е.К.* Об И.С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сборник. СПб., 1904. С. 454—455; *Васильев П.П.* Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. С. 3—4; *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 95; *Оболенский Л.Е.* Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 504. См. также: [Савина 1983: 355].

52 *Луканина А.Л.* Мое знакомство с И.С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 3. Отд. 1. С. 76—77.

53 *Вейнберг П.И.* Литературные спектакли (Из моих воспоминаний). С. 97—98, 105, 107—108.

54 См.: [Савина 1983: 355]; *Стечкин Н.Я.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (С прил. семи его неизд. писем). СПб.: Тип.-лит. В.В. Комарова, 1903. С. 22.

тов перед изысканной аудиторией, чем перед массами. Его выступления отличались не выразительностью и энергичностью, а, наоборот, мягкостью и легкостью тона, умело передававшего изящество его прозы⁵⁵.

Учитывая застенчивый характер Тургенева, маловероятно, что при выборе произведений он принимал во внимание тот эффект, который они могли произвести на слушателей. В период 1879—1880 годов его репертуар для публичных чтений состоит из некоторых рассказов из «Записок охотника», в частности рассказов «Бурмистр», «Бирюк», «Льгов», «Малиновая вода», «Певцы», а также из некоторых глав романов «Отцы и дети», «Дым» и «Дворянское гнездо». Выбор текстов, по-видимому, не был обусловлен поводом, ради которого устраивались те или иные чтения, или аудиторией, для которой они были предназначены и, похоже, его не особенно занимал. Он привык полагаться на решение организаторов, которым предлагал довольно широкий набор текстов [Тургенев 1966: 219; 1978—2018 XVI, II: 63]. Единственная забота Тургенева заключалась в том, чтобы хорошо подготовиться — свидетели говорят о семи-восьми репетициях перед спектаклем [Успенский 1951 XIII: 152, 577] — и не утомлять аудиторию чтением дольше двадцати минут. Таким образом, не считая себя мастером в сокращении и адаптации текстов, он выбирал короткие рассказы, не требующие серьезных изменений (см.: [Тургенев 1966: 249, 250]).

Некоторые свидетели выступлений Тургенева точно указывают, в какие моменты ярче всего проявлялся его талант. На литературном вечере 16 марта 1879 года выступление Тургенева с рассказом «Бирюк» достигло наивысшей эмоциональной точки в сцене, в которой мужик умоляет Бирюка освободить его. Тургенев повторил крики «Отпусти!», «Ей-богу!» настолько резко, что в зале наступила тишина⁵⁶. При чтении же «Бурмистра» 9 марта 1879 года Тургенев достаточно быстро прочитал картинные описания природы, в то время как диалоги значительно замедлил, передавая разные интонации персонажей⁵⁷. То же самое повторилось 21 марта 1880 года, при чтении «Певцов», чьи персонажи словно «оживали» на глазах у слушателей⁵⁸. Можно предположить, что в диалогах Тургенев казался непринужденным, в то время как выдерживать монологи или парные диалоги с другим чтецом ему было сложнее. Более того, можно предположить, что он предпочитал сохранять единство текста и решать проблему менее пригодных для декламации частей, просто прочитывая их скорым темпом и, пожалуй, с более нейтральной интонацией. Чтение вслух позволяло Тургеневу наилучшим образом заострить «установку на живое слово» своего творчества⁵⁹ и выдвинуть на первый план звуковую схему произведения, иногда даже в ущерб смысловой⁶⁰.

55 *Стечкин Н.Я.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (С прил. семи его неизд. писем). С. 22; *Половцов А.В.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // Царь-колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 г. М., 1886. С. 79.

56 *Васильев П.П.* Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. С. 30.

57 Там же. С. 14; *Садовников Д.Н.* Встречи с И.С. Тургеневым. «Пятницы» у поэта Я.П. Полонского в 1879 году. С. 76.

58 *Павлова С.В.* Из воспоминаний // Новый мир. 1946. № 3. С. 116—117.

59 *Эйхенбаум Б.М.* Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу. Сборник статей. Л.: Academia, 1924. С. 152—156. См. также: [Бранг 2011].

60 *Павлова С.В.* Из воспоминаний. С. 116—117.

Особенности Тургенева как чтеца особенно заметны в сравнении с характеристикой чтеца совершенно иного типа — Достоевского. Достоевский принимал участие в благотворительных публичных чтениях с момента вступления в члены Литфонда [Заборова 1975; Орнатская 1987]. В 1860-е годы он выступал несколько раз, читая отрывки из «Бедных людей», «Нечистики Незвановой», «Записок из Мертвого дома» и «Преступления и наказания». Достоевский видел в этих чтениях уникальную возможность упрочить свою литературную репутацию и лично проверить реакцию публики на свои произведения. Однако особенно востребованы его выступления стали только в конце 1870-х годов, когда его популярность возросла благодаря публикации «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых». Имя Достоевского стало теперь залогом успеха литературного вечера, и организаторы буквально соперничали за право его присутствия на чтениях. Со своей стороны Достоевский всегда очень чутко относился к благотворительным целям. Осознавая ответственность, которую накладывала на него литературная профессия, он с радостью принимал приглашения, прилагая немалые усилия и отказываясь только в тех случаях, когда плохое самочувствие не позволяло этого сделать.

Источники позволяют восстановить весь ритуал публичных выступлений Достоевского. После короткой подготовки он выходил на сцену, садился за специально для него установленный стол и перед чтением произносил короткое вступление [Достоевская 2015: 403]. Современники сходятся во мнении, что всякий, кто стремился встретиться лицом к лицу с великим писателем, бывал немного разочарован его хрупким телосложением, бледным лицом и болезненной внешностью [Поссе 1990: 440]. Тем не менее по мере чтения голос писателя, звучавший поначалу слабо и невыразительно, оказывался способен на резкие и энергичные изменения тона. Внезапно черты Достоевского преобразались, тело его словно оживало, глаза загорались, а голос обретал неожиданную силу, заставляя аудиторию затаить дыхание [Савина 1983: 356]⁶¹.

В репертуар Достоевского в 1879—1880 годах вошли: «Записки из подполья», «Униженные и оскорбленные» (рассказ Нелли — IV часть, VIII глава), «Преступление и наказание» (разговор Раскольникова с Мармеладовым — I часть, II глава), «Подросток» (рассказ о самоубийстве Оли — 1-я часть, 9-я глава), «Дневник писателя» («Мальчик у Христа на елке»), «Братья Карамазовы» (главы «Верующие бабы» из II книги, «Исповедь горячего сердца» из III книги, «Бунт» и «Великий инквизитор» из V книги, «Похороны Илюшечки» из эпилога романа)⁶². Прежде всего следует отметить театральную форму текстов, выбранных Достоевским для публичных чтений: в основном это монологи. Как известно, Достоевский любил театр и обладал незаурядными актерскими способностями⁶³. В отличие от Тургенева, Достоевский продумывал эффект

61 См. также: Садовников Д.Н. Встречи с И.С. Тургеневым. «Пятницы» у поэта Я.П. Полонского в 1879 году. С. 75.

62 Сохранился список публичных выступлений Достоевского, составленный его женой А.Г. Достоевской. См.: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 93. Разд. II. Карт. 5. Ед. хр. 17 (Список устных выступлений с 1876—1880 гг. Федора Михайловича Достоевского).

63 См.: Вейнберг П.И. Литературные спектакли (Из моих воспоминаний). С. 97—98; Микulich В. Встречи с писателями. Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Всеволод Гаршин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С. 151. См. также: [Эйсснер 1991: 166—167].

своих выступлений: его выбор был результатом тщательных размышлений и учитывал цель, для которой его позвали читать, аудиторию, к которой он обращался, и ттецов, которые предшествовали ему или сменили бы его на сцене. Например, молодой аудитории адресованы были сказочные тона рассказа «Мальчик у Христа на елке», прочитанного Достоевским 3 апреля 1879 года на благотворительном вечере в пользу Фребелевского педагогического объединения, 16 декабря 1879 года на литературном утре в пользу Общества помощи малообеспеченным школьникам Ларинской гимназии и 2 февраля 1880 года во время утренних чтений в пользу Коломенской женской гимназии. Для молодой и женской аудитории Достоевский выбирал же отрывки с сильными патетическими составляющими, чтение которых производило «впечатление потрясающее» [Достоевская 2015: 403]. В пользу женских Бестужевских курсов Достоевский выступал дважды, 5 апреля и 14 декабря 1879 года, читая отрывки из главы «Братьев Карамазовых» «Илюша» и из рассказа Нелли в VII и VIII главах «Униженных и оскорбленных» соответственно [Летопись жизни... 1999: 313—314, 357—358]. Публичные чтения Достоевского также предлагали образцы и модели поведения, с которыми слушатель мог легко себя отождествить. В пятом издании «Униженных и оскорбленных», которое Достоевский использовал для подготовки своего чтения 14 декабря 1879 года, подчеркнуты два места. Первое — наставление матери Нелли: «Будь бедная, Нэлли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни к кому не ходи; будь одна, бедная, и работай, а нет работы, так милостыню проси, а к этим гордым людям не ходи». Второе передавало слова вдовы капитана, с которой Нелли ходила по улицам и просила милостыню: «Она и говорила мне, что у всех просить не стыдно» [Достоевский 1972—1990 III: 485, 486]. Эти слова могли звучать как предупреждение молодым слушательницам, которые ради посещения курсов в городе часто были вынуждены расставаться со своими семьями, становясь легкой добычей для преступников. Рассказ Нелли о своей матери также был необходим для того, чтобы сделать кульминационную сцену восьмой главы четвертой части романа — сцену примирения между Наташей и ее отцом, где акт прощения разрешал все конфликты в романе — еще более мощной.

Что касается адаптации выбранных отрывков, в архивах сохранились три экземпляра, использованных Достоевским для публичных чтений [Достоевский 1972—1990 III: 485—486; XV: 388—389, 390—392]. Сделанные писателем пометки и знаки позволяют в общих чертах установить характер изменений, которые он вносил в текст перед его чтением: изложение или полное исключение описательных частей, облегчение слишком сложных синтаксических конструкций, подчеркивание определенных отрывков, которые должны были произноситься с особым акцентом. Тем не менее при адаптации текстов, выбранных для публичного чтения, Достоевский не всегда осознавал потенциально взрывоопасное содержание своих произведений. Об этом свидетельствует литературное чтение 30 декабря 1879 года в пользу студентов Петербургского университета, когда Достоевский впервые прочитал «Легенду о Великом инквизиторе». Письмо Достоевского В.П. Гаевскому спустя несколько дней после выступления свидетельствует о том, что эффект, вызванный его прочтением, был столь ошеломительным, что петербургский попечитель учебного округа М.С. Волконский, присутствовавший среди публики, запретил писателю снова выступать с этим отрывком [Достоевский 1972—1990 XXX, I: 145]. О причинах эффекта, произведенного в тот день чтением «Великого инквизитора», можно

только предполагать на основе тех изменений, которые Достоевский внес в текст. Само решение взять отрывок о Великом инквизиторе вне контекста романа был по меньшей мере смелым, потому что это означало отделить его от того, что было задумано автором как «опровержение богохульства» Ивана — воспоминания старца Зосимы в шестой книге [Там же: 66]. Выйдя на сцену, Достоевский попытался подсказать верный ключ к прочтению поэмы Ивана в короткой вступительной речи, где он определил ее «дикой» и «фантастической» и постарался несколько раз повторить, что Иван и персонаж, созданный его воображением, были атеистами, которые, соединив христианскую веру с логикой мира, потеряли смысл христианства [Достоевский 1972—1990 XV: 198]. Однако изменения, внесенные Достоевским в текст «Великого инквизитора», вместо того, чтобы опровергнуть логику Ивана, поддерживали ее: Достоевский полностью исключил из текста голос Алеши и его непрерывные реплики, предоставив студентам слушать только голос Великого инквизитора, который с тонким обаянием и чрезвычайно убедительными аргументами утверждал, что человек преклоняет колени не перед знаменем хлеба небесного, а только перед хлебом земным. Возможно, это и стало, хотя и отчасти, причиной бурной реакции слушателей, из-за которой попечитель наложил вето на будущие чтения «Легенды». Вышеуказанное подтверждает эту гипотезу. «Коммуникативное короткое замыкание», вызванное чтением Достоевского, показывает, как определенные практики чтения в контексте напряженной политической атмосферы значительно увеличивали возможности искажения литературного послания.

В заключение отметим, что значение публичных литературных чтений превышает их социальную и культурную функцию. Публичное чтение литературного произведения предполагает работу по отбору текста и адаптации отрывков, выбранных для декламации: понимание критериев, с помощью которых писатель опирается на свой репертуар, и приемов, которые он использует для чтения текста, помогает освятить особенную связь писателя с его произведениями или с определенными отрывками из них. Если литературное произведение — это «живая, подвижная деятельность, образуемая голосом, артикуляцией, интонацией, к которым присоединяются еще жесты и мимика»⁶⁴, то публичные литературные чтения позволяли литературному произведению полностью раскрывать свой коммуникативный потенциал. Однако, как было показано, само раскрытие коммуникативного потенциала могло проявляться намного шире, чем первоначально предполагал сам автор, и варьироваться в зависимости от норм и представлений, принятых в аудитории, для которой читался текст. Публичные литературные чтения представляют собой ценный источник для реконструкции историко-литературной эволюции России во второй половине XIX века и одновременно проливают свет на сложную взаимосвязь между намерениями автора художественного текста и горизонтом ожиданий новых читателей пореформенной эпохи.

64 Эйхенбаум Б.М. Иллюзия сказа. С. 154.

Библиография / References

- [Аронсон, Рейсер 2001] — *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб.: Академический проект, 2001.
- (Aronson M., Reyser S. Literaturnye kruzhki i salony. Saint Petersburg, 2001.)
- [Беньямин 2005] — *Беньямин В.* Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- (Benjamin W. Berliner Chronik // Pavlov E. Shok ramyati. Avtobiograficheskaya poetika Val'tera Ben'yamina i Osipa Mandel'shtama. Moscow, 2005. — In Russ.)
- [Бранг 2011] — *Бранг П.* Тургенев — чтец // Studi Slavistici. 2011. № 8. С. 79—94.
- (Brang P. Turgenev — chtets // Studi Slavistici. 2011. № 8. P. 79—94.)
- [Генералова 2018] — *Генералова Н.П.* Невероятное путешествие И.С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль — март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76—96.
- (Generalova N.P. Neveroyatnoe puteshestvie I.S. Turgeneva v Peterburg i Moskvu (fevral' — mart 1879 goda) // Russkaya literatura. 2018. № 3. P. 76—96.)
- [Достоевская 2015] — *Достоевская А.Г.* Воспоминания. 1846—1917 / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. И.С. Андриановой, Б.Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015.
- (Dostoevskaya A.G. Vospominaniya. 1846—1917 / Introd., prep., comment. by I.S. Andrianova, B.N. Tikhomirov. Moscow, 2015.)
- [Достоевский 1972—1990] — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
- (Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy. In 30 vols. Leningrad, 1972—1990.)
- [Заборова 1975] — *Заборова Р.Б.* Достоевский и Литературный фонд // Русская литература. 1975. № 3. С. 158—170.
- (Zaborova R.B. Dostoevskiy i Literaturnyy fond // Russkaya literatura. 1975. № 3. P. 158—170.)
- [Колбасин 1983] — *Колбасин Е.Я.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе // Петров С.М., Фридлянд В.Г. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 17—26.
- (Kolbasin E.Ya. Iz vospominaniy ob I.S. Turgeneye // Petrov S.M., Fridlyand V.G. I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1983. P. 17—26.)
- [Летопись жизни... 1934] — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева 1818—1883 / Ред. Н.К. Никсанова. М.; Л.: Academia, 1934.
- (Letopis' zhizni i tvorchestva I.S. Turgeneva 1818—1883 / Ed. by N.K. Niksanov. Moscow; Leningrad, 1934.)
- [Летопись жизни... 1999] — Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского 1821—1881: В 3 т. / Ред. Н.Ф. Буданова, Г.М. Фридляндер. Т. 3 / Сост. А.В. Архипова, И.А. Битюгова и др. СПб.: Академический проект, 1999.
- (Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo 1821—1881: In 3 vols. / Ed. by N.F. Budanova, G.M. Fridlender. Vol. 3 / Comp. by A.V. Arhipova, I.A. Bitjugova et al. Saint Petersburg, 1999.)
- [Максимов 1966] — *Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский // Островский в воспоминаниях современников / Ред. А. Никитин-Перенский, А. Балакин. М.: Художественная литература, 1966. С. 65—126.
- (Maksimov S.V. Aleksandr Nikolaevich Ostrovskiy // Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov / Ed. by A. Nikitin-Perenskiy, A. Balakin. Moscow, 1966. P. 65—126.)
- [Неизданные письма 1932] — Неизданные письма к А.Н. Островскому / Ред. М.Д. Прыгунов, Ю.А. Бахрушин, Н.Л. Бродский. М.; Л., Academia, 1932.
- (Neizdannye pis'ma k A. N. Ostrovskomu / Ed. by M.D. Prygunov, Ju.A. Bahrushin, N.L. Brodskiy. Moscow; Leningrad, 1932.)
- [Некрасов 1999] — *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 2. Письма. 1956—1862 / Отв. ред. Н.Н. Скатов; подгот. текста и коммент. О.Б. Алексеева и др.; ред. Б.В. Мельгунов. СПб.: Наука, 1999.
- (Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: In 15 vols. Vol. 14. Bk. 2. Pis'ma. 1956—1862 / Ed. by N.N. Skatov, O.B. Alekseeva, B.V. Melgunov et al. Saint Petersburg, 1999.)
- [Орнатская 1987] — *Орнатская Т.И.* Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866) // Достоевский. Материалы и исследования: В 30 т. Т. 7. Л.: Наука, 1987. С. 238—260.
- (Ornatskaya T.I. Deyatel'nost' Dostoevskogo v Obshchestve dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym (1859—1866) // Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya: In 30 vols. Vol. 7. Leningrad, 1987. P. 238—260.)
- [Островский 1979] — *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 11.

- Письма / Ред. Г.И. Владыкин, Л.С. Данилова, В.Я. Лакшин и др. М.: Искусство, 1979.
- (*Ostrovskiy A.N. Polnoe sobranie sochineniy: In 12 vols. Vol. 11. Pis'ma / Ed. by G.I. Vladykin, L.S. Danilova, V.Ja. Lakshin et al. Moscow, 1979.*)
- [Петровская, Сомина 1994] — *Петровская И.Ф., Сомина В.В.* Театральный Петербург: Нач. XVIII в. — окт. 1917 г.: Обзорение-путеводитель. СПб.: Рос. акад. наук; Рос. ин-т истории искусств, 1994.
- (*Petrovskaya I.F., Somina V.V. Teatral'nyy Peterburg: Nach. XVIII v. — okt. 1917 g.: Obozrenie-putevoditel'. Saint Petersburg, 1994.*)
- [Поссе 1990] — *Поссе В.А.* Из книги «Мой жизненный путь» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 439—442.
- (*Posse V.A. Iz knigi "Moy zhiznenny put'" // F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1990. P. 439—442.*)
- [Рейтблат 2009] — *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- (*Reytblat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury. Moscow, 2009.*)
- [Савина 1983] — *Савина М.Г.* Мое знакомство с Тургеневым // Петров С.М., Фридлянд В.Г. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 349—357.
- (*Savina M.G. Moe znakomstvo s Turgenevym // Petrov S.M., Fridlyand V.G. I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1983. P. 349—357.*)
- [Сажин 1989] — *Сажин В.Н.* Книги горькой правды. М.: Книга, 1989.
- (*Sazhin V.N. Knigi gor'koj pravdy. Moscow, 1989.*)
- [Сажин 2008] — *Сажин В.Н.* Как создавался Литературный фонд // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 214—227.
- (*Sazhin V.N. Kak sozdavalsya Literaturnyy fond // Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovaniya. Saint Petersburg, 2008. P. 214—227.*)
- [Тургенев 1966] — *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Т. 12. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1966.
- (*Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: In 28 vols. Vol. 12. Bk. 1. Moscow; Leningrad, 1966.*)
- [Тургенев 1978—2018] — *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / [Редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] М.: Наука, 1978—2018.
- (*Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: In 30 vols. / [Ed. board: M. P. Alekseev (ed.) et al.] Moscow, 1978—2018.*)
- [Успенский 1951] — *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- (*Uspenskiy G.I. Polnoe sobranie sochineniy: In 14 vols. Moscow, 1951.*)
- [Щербань 1983] — *Щербань Н.В.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (1861—1875) // Петров С.М., Фридлянд В.Г. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 27—42.
- (*Shcherban' N.V. Iz vospominaniy ob I.S. Turgeneve (1861—1875) // Petrov S.M., Fridlyand V.G. I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1983. P. 27—42.*)
- [Эйсснер 1991] — *Эйсснер А.П.* Из воспоминаний о Достоевском (Публ. Г.Ф. Когана) // Знамя. 1991. № 11. С. 160—176.
- (*Eyssner A.P. Iz vospominaniy o Dostoevskom (Publ. G.F. Kogana) // Znamya. 1991. № 11. P. 160—176.*)
- [Andrews 2004] — *Andrews M.* The set for Charles Dickens's public readings // Dickens Quarterly. Vol. 21. Fasc. 4. P. 211—224.
- [Collins 1975] — *Collins P.A.W.* Introduction // Charles Dickens: The Public Readings / Ed. by P.A.W. Collins. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- [Ferguson 2001] — *Ferguson S.* Dickens's Public Readings and the Victorian Author // SEL Studies in English Literature 1500—1900. 2001. Vol. 41. № 4. P. 729—749.
- [Lovell 2020] — *Lovell S.* How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860—1930. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- [Waddington 1974] — *Waddington P.* Dickens, Pauline Viardot, Turgenev: A Study in Mutual Admiration // New Zealand Slavonic Journal. 1974. № 1. P. 55—73.